

ББК 87.3+85.113

О.А. Ворсина

«Середина» в китайской парадигме мироустройства

O.A. Vorsina

«Mid» in the Chinese Paradigm of World Order

Представлено китайское понимание середины пространства и обоснован выбор сакральных мест для возведения культовых, храмовых построек. Автор выявляет связь иероглифики и культовой архитектуры Китая.

Ключевые слова: центр, середина, сакральное, профанное, храм, алтарь, пространство, архитектура, человек, мироздание.

Актуальность темы выражается в том, что китайская храмовая архитектура отражает целый ряд важнейших системообразующих черт китайской ментальности. Среди них наиболее ярко выделяется такая особенность, как стремление к центру, что означает проявление гармонии и порядка, которые пронизывают все архитектурное наследие Поднебесной. Несмотря на то, что тема китайской храмовой архитектуры на данном этапе неплохо освещена, однако не так много авторов проводят параллель между возникновением китайской иероглифической письменности и китайской традиционной храмовой архитектурой. Именно поэтому мы попытались проследить взаимосвязь между китайским ментальным восприятием окружающего мира, иероглификой и религиозными постройками традиционного Китая. По нашему мнению, тема центризма — это тема гармонии мира, которая актуализируется в современную эпоху нарастающих социальных и природных катаклизмов.

Конфуций в своем трактате «Чжун юн» («Учение о середине») писал: «Середина — это великий принцип для всего мира; гармония — это великое Дао для Вселенной. Благодаря гармонии, мир находится на своем месте, и вся тварь растет» (цит. по: [1, с. 108]).

Как известно, на протяжении всей истории человек упорно искал свое место мире. Разные цивилизации на множественных этапах своего развития по-разному оценивали значимость человека как части великой Природы. Неоднозначность понимания человеческого места в мировом пространстве привела к тому, что западная и восточная культуры пошли параллельными курсами. Запад — это торжество логики и практицизма, это мир, где человек занял центральное место и стал точкой отсчета. Противоположность ему — Восток, где место логики мало и незначительно, а человек воспринимался лишь как часть огромной упорядоченной мировой природной системы, и его по-

In this article, the author has presented the Chinese understanding of the middle of the space and choices sacred places to construct worship and temple buildings. The author has also revealed the relationship between hieroglyphics and religious architecture in China.

Key words: center, middle, sacred, profane, temple, altar, space, architecture, people, universe.

ложение далеко от центра мироздания. Именно поэтому автору показалось интересным выявить влияние китайского мировоззрения, начавшего свое становление еще в эпоху неолита, на зарождение канонов китайской храмовой архитектуры.

Человек Запада давно и прочно зафиксировал свое местоположение в центре Мира, а сам Мир расположил в центре Вселенной. Он априори принимает себя за точку отсчета всего, что его окружает, и всего того, что с ним происходит. Таким образом, живя по принципу эгоцентричности, поместив себя в центр пространства жизнедеятельности, а также непосредственно в ядро воспринимаемого им окружающего мира, человек Запада потерял возможность ориентации в пространстве Природы.

В этом аспекте автор статьи полностью солидарна с Н. Л. Павловым, который следующим образом характеризует неумное стремление западного человека занять центральное положение во всем: «Болезненно сохраняя свое весьма условное главенствующее положение в пространстве природы, человек утрачивает свободу ориентации, свободу передвижения и в целом свободу действия. Ему очень не хочется покидать самую значимую главенствующую точку природного пространства. Но и постоянное нахождение в ней, после первого торжества самоутверждения, постепенно теряет смысл, так же, как и очень быстро теряет смысл достижение Северного Полюса: в самой, казалось бы, важной точке Земли, в точке схождения ее меридианов на оси вращения планеты жить просто не имеет смысла. Так же, как и не имеет смысла жизнь или даже сколько-нибудь длительное пребывание на самой “главной”, самой высокой точке планеты — на горе Эверест, которую тибетцы называют Джомолунгмой, а индийцы Сагарматхой» [1, с. 26].

В отличие от западного человека, человек Востока прекрасно понимал неуместность своего положе-

ния в самой значимой точке пространства — центре, оставляя его за богами и их наместниками на земле.

Китайцы, являясь ярчайшими представителями восточной культуры, всегда стремились максимально приблизить себя к сакральной точке центра Природы, «но в своей центростремительности они никогда не позволяли себе лично утвердиться в ней» [1, с. 26].

Постановка себя на центральное место в чем бы то ни было всегда приводит к неправильной оценке ситуации, а в дальнейшем и к ошибкам, которые могут нести фатальные последствия. Ярким примером этого может служить Китай, который к древности именовал себя не иначе, как Срединное государство, или Поднебесная. Позиционируя себе как центр Мира, великие китайские правители не рассматривали соседние государства, а в дальнейшем и страны Запада, как равные себе, а видели в них лишь вассалов, что привело к неправильной оценке ситуации и полному поражению в опиумных войнах XIX в. Однако сам китаец никогда не ставил себя в центр природно-мировых взаимоотношений, оставляя эту сакрально значимую точку для высших сил. Исключением был император, который являлся стержнем, благодаря которому осуществлялась связь между Небом и Землей, по сути, он исполнял роль Бога во плоти, будучи его наместником на земле. Его правление было под божественным покровительством ровно до того момента, пока император жил и правил согласно этическим нормам: «...осуществлять правление, опираясь на добродетель, — это подобно Полярной звезде. Она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся окрест нее», — говорит Конфуций (цит. по: [2, с. 306]). Подобное сравнение императора с Полярной звездой также является неслучайным. В стремлении все свести к пяти направлениям — север, юг, запад, восток и центр — китайцы не могли обойти звездное небо: «Небесный свод китайского неба делился на „дворцы“, соответствующие сторонам света: Дунгун — Восточный дворец, Бэйгун — Северный дворец, Наньгун — Южный дворец и Сигун — Западный дворец. В центре расположен Чжунгун — Центральный дворец, именуемый Цзы-гун, Пурпурный дворец с Полярной звездой в центре — место обитания Тай-и, Верховного божества, Великого Единого и одновременно Небесного императора. Звезды, расположенные вокруг, воспринимались как император, его супруга, сыновья и дочери, дальше шли звезды — военачальники и придворные чины, всего 15. Весь Центральный дворец насчитывал 81 звезду, что соответствует числу гексаграмм» [3, с. 13].

Именно поэтому в храме минтан «во время церемоний правитель, чей образ сопоставлялся с небесным началом, находился в центре и, являясь посредником между Небом и Землей, осуществлял стяжение мира сакрального и людского, приводя вещи к гармонии»

[4, с. 56]. Более того, в философском трактате «Гуань-цзы» («[Книга] учителя Гуаня», IV–III вв. до н.э.) указывалось, что «место Сына Неба в центре» (тянь-цзы чжун эр чу), т. е. правитель воспринимался как медиатор, соединяющий Землю и Небо [4, с. 56]. В момент обряда жертвоприношения император, являющийся в обычное время посланником — посредником, превращается в само Божество, тем самым исчезает дуальность и остается лишь Он один.

«На связь идеи «центра» («середины») с принципами градостроения указывает памятник „Люй-ши чунь цю“ („Весны и осени господина Люя“, III в. до н.э.): „Определи середину Поднебесной и там устрой столицу/государство, определи середину столицы/государства и там устрой дворец“. В плане идеальной столицы, описанном в первом своде правил по строительству „Као гун цзи“ („Записки о ремеслах“, по разным источникам датируемом 770–476 или 475–221 гг. до н.э.), также подчеркивается, что дворец правителя должен располагаться в центре» [4, с. 56]. Основных положений такой планировки придерживались при сооружении столиц во всех последующих династиях. Более того, возводя архитектурные комплексы, в том числе и храмовые, жители Поднебесной, стремясь в концепции места усилить позиции центра, стали огораживать комплексы при помощи стен. Таким образом они смогли упорядочить пространственные связи с центральной доминантой.

Древние люди четко осознавали, что значимые точки Мира должны принадлежать богам или их земным воплощениям. Исходя из этого возводились древние городища. Эта же точка зрения хорошо раскрыта в работе Н. Л. Павлова: «Археологическая история и современная действительность прямо свидетельствуют о постоянной ориентации всякого человеческого сообщества на центр пространства своей жизнедеятельности. Древние селения группируются вокруг городища, исторические поселения и города вокруг алтарей, святилищ, храмов, селения вокруг городов, народы и государства вокруг своих столиц» [1, с. 27].

Однако не стоит думать, что место человека в китайской шкале ценностей было столь незначительно. Согласно своду сочинений о срединности и гармонии Ли Дао-Чуня «позиция Небес — это верх. Позиция Земли — это низ. Позиция человека — это середина. Он сам гармонизируется и трансформируется. И дыхание пребывает в середине его <...> Небо и Земля являются самыми огромными из всех сущностей-вещей. А человек является самым духовным — божественным из всех сущностей. Пространство и время вселенной в его руках. Мириады превращений рождаются в его теле. Изменения — превращения протекают внутри него» [5].

Следует отметить, что китайцы были не одиноки в подобных взглядах на мироустройство. Их философия мировосприятия проникла, укоренилась и поро-

дила похожие направления у ближайших соседей — японцев, придерживающихся очень похожих взглядов: «...небо (Навечно Утвердившийся в Небесах), земля (Навечно Утвердившийся на Земле) и небесные воды (Обильные Облака над Равниной)» [6, с. 97]. Данные устои также в дальнейшем оказали влияние и на японскую храмовую архитектуру: «В Китае и корейском Пэкче ей на смену пришел план с одной осью симметрии, на которой лежали Южные врата, Срединные врата и две главные постройки сакрального ядра — пагода и зал кондо, одно за другим. Мы не будем рассматривать его подробно, поскольку в Японии этот план, хотя и был заимствован из Китая, надолго не прижился (он использовался в существующем с 593 г. и по сей день комплексе Ситэннодзи и большинстве самых ранних монастырей). Отметим только, что он воплощает те же представления об устройстве мироздания, что и типичная композиция китайской мандалы. (Они в довольно большом количестве хранятся, например, в знаменитом скальном монастыре Дуньхуан.)» [6, с. 133]. В рамках излагаемой концепции следует отметить: «Предел человеческий — в срединности меж Небом и Землей, в результате чего устанавливается судьба. Человек принимает в себя пустоту божественной тайны, и таким образом завершается природа. Когда устанавливаются природа и судьба, дух пребывает в их середине» [5]. Данное изречение подтверждается этимологическим анализом иероглифа «три». Как известно, цифра три в китайском языке выглядит как три горизонтальные черты одна под другой, центральная черта записывается немного короче верхней и нижней. Именно она символизирует триединство и гармоническое существование Неба, Человека и Земли. Но это отнюдь не означает центральное или главенствующее положение человека в поднебесном мире, здесь человек является лишь звеном цепи, причем самым маленьким, судя по написанию иероглифа. Таким образом, в рамках данной концепции можно сделать вывод о том, что все «человеческие размышления о „Небе“ (под которым подразумевалась Вселенная), формировались на „Земле“, и взаимосвязь шла в основном односторонне „от Земли к Небу“ — с человеком посередине, и носила антропоцентрический характер» [7, с. 14].

Согласно данной концепции центром здесь будет являться император — ван. Это становится очевидным после этимологического разбора самого иероглифа [ван] «князь». Его написание очень просто и символично: три горизонта пересекаются вертикальной чертой, т. е. император — ванн — как раз и являлся центром Мира — посланником небес, живым божественным воплощением на земле, или даже его можно отождествить с мировой горой, деревом жизни, с мировым столпом, соединяющим все три мира с небесами. Таким образом, мы можем легко перенести такое осевое направление иероглифа [ван] на архитектур-

ные каноны китайских храмовых построек. Их, как известно, строили, соблюдая ось юг — центр — север, т. е. она (ось) является проекцией оси небо — человек — земля на горизонтальную поверхность земли. В центре такого комплекса всегда находилось наиболее важное сакральное храмовое строение. Подобную тенденцию также переняла Япония: «Итак, мир японского буддизма конструируется и центрируется храмом. Этот храм есть бытие Будды и подлинное существование человека» [6, с. 163].

Более того, говоря о середине, или центре, как сакрально значимом месте, нельзя не упомянуть о самом иероглифе [чжун] «середина, центр». По своему написанию он напоминает квадрат, перечеркнутый вертикалью точно посередине. Согласно этимологическому словарю его изображение восходит к мишени для стрельбы из лука с указанием центра. Данный иероглиф также легко можно перенести на архитектурные постройки Китая, в частности на традиционную китайскую усадьбу с центральной осью с севера на юг и прямоугольным планом самих построек, в том числе и на культовые храмовые постройки.

Иероглиф «центр», «середина» также фигурирует в «сочинениях Ян Сюна (53–18 гг. до н.э.) [Тай сюань] — «Мрак небес. Великого предела», в котором также использовались начертательные символы. У Ян Сюна 81 ГГ, каждая состояла из четырех черт. Первая ГГ называлась [Чжун] — «Центр», или «Середина». Текст ее перекликается с «Книгой перемен», что говорит не столько о близости книг, сколько о единстве науки астрологии и универсальности ее тогдашних методов. Манера записи и термины трактата Ян Сюна отчасти схожи с «Книгой перемен». Итак, у Ян Сюна читаем: [Чжун] «Середина» Дух Ян погружен — росток в Золотом дворце. Созвездие Синь — «Сердце» в ГГ. «Дух Ян» — это, конечно, Юпитер. Описывается начальная стадия движения Юпитера, когда он мыслится как бы в зачаточном состоянии. Золотой дворец — аналог Западного дворца. Юпитер появляется в зодиакальной зоне чоу, что на северо-востоке, так что до начала года еще пройдет какое-то время» [3, с. 33]. Как уже говорилось выше, китайский календарь был юпитерианским, т. е. его центральной фигурой был Юпитер, который жил в Центральном небесном дворце.

Тем не менее китайцы не всегда придерживались догматических принципов строительства. Яркими примерами нарушения этих догм являются города Чанъань и Лоян: «...дворцовый город (по „Као гун цзи“) должен находиться в центре. Между тем в Чанъане он смещен на север, а в Лояне — на северо-запад; контуры Лояна не совсем правильные, на юге они шире, а на севере уже» [3, с. 54]. Подобные отклонения от принятых архитектурных положений мы можем увидеть и в религиозных постройках, однако в подавляющем большинстве случаев централь-

ное место занимала культовая постройка, имеющая глубокий сакральный смысл. Это сооружение не предназначалась ни для жилья, ни для других бытовых нужд. Это правило также соблюдалось и в пещерных комплексах: «...в центре пещеры № 432 (династия Западная Вэй (535–556) стоит монолитная колонна, разделенная карнизами на ярусы. Такие колонны принято называть „чжу та“ (zhu ta) — пагода-колонна, пагода-столп» [8, с. 144].

«Однако, — пишет С. А. Комиссаров, — несмотря на частные отступления, обусловленные местными особенностями, основополагающие принципы градостроительства, разработанные на основе вековых наблюдений за природой, эффективно применялись на практике» [9, с. 55].

Основываясь на вышеперечисленных фактах, мы делаем вывод о том, что в китайской картине мира сложились два понятия «центра, середины». Первый вариант «центра» — это его физическая интерпретация, географическое материальное воплощение. Еще во времена мезолита человечество сделало свои первые шаги к упорядочиванию и ограничению пространства, которое насыщалось символическим языком архитектуры, подчиненной запрограммированной функциональности. Примерами может служить не только храмовая и культовая постройка, но и про-

стые жилые комплексы — «сыхеюань». В храмовых постройках ограничением служили «ворота храма, являющиеся пространственной паузой на границе сакрального и профанного» [6, с. 128]. Именно в центре данного ограниченного пространства возводились сакрально значимые культовые объекты.

Второй вариант интерпретации понятия «центра» — это его ментальное воплощение. Человек выбирал место, которое нельзя было классифицировать как центральную позицию, и делал из него культовую, сакральную точку. Она могла располагаться вдали от оживленных мест и не обладать выдающимися приметами, но благодаря ментальным посылам и, возможно, ранее оставленным знакам данное место стало важным для исполнения культовых и обрядовых действий. Такое стремление к сакрализации места и объекта обусловлено формальной логикой человека — дихотомией, т. е. желанием поделить вещи на «то» и «не то», и в этом случае абсолютно не важно, находится ли это место или объект строго посередине огороженной местности. Примерами такого варианта интерпретации «центра, середины» могут служить алтари местного назначения или высотная доминанта — вершины горы Кунь-Лунь. В таком случае мы не можем наблюдать строгой границы сакрального и профанного.

Библиографический список

1. Павлов Н. Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев : дис. ... д-ра архит. — М., 2003.
2. Лукьянов А. Е. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: перевод и исследование. — М., 2003.
3. Голыгина К. И. Великий предел. — М., 1995.
4. Титаренко М. Л. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. — М., 2010. — Т. 6 (дополн.).
5. Ли Дао-Чун. Свод сочинений о срединности и гармонии сущность таинственных врат [Электронный ре-

- сурс]. — URL: <http://www.galactic.org.ua/f-i/ft1-1.htm>. 10.07.2012.
6. Храм земной и небесный. — М., 2004.
7. Пюрвеев Д. Б. Архитектура Мироздания. — М., 2006.
8. Шевченко М. Ю. Истоки формообразования пространственных стереотипов в архитектуре Китая эпохи Чжоу: XI–III вв. до н.э., среднее и нижнее течение реки Хуанхэ : дис. ... канд. архит. — М., 2006.
9. Комиссаров С. А. Искусство китайской архитектуры : монография. — Новосибирск, 2011.